

Возможна ли экономическая интеграция в Центральной Азии? Региональный вектор политики Казахстана¹

Г.М. ДУЙСЕН, доктор экономических наук. E-mail: galyimzhan@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-4352-0482

Д.А. АЙТЖАНОВА, кандидат экономических наук. E-mail: diait@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-5373-1075

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, Алматы,
Казахстан

П.Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук. E-mail: teslia.pavel@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5128-2564

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский технический университет, Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы регионализма и конфликтов интересов стран Центральной Азии (ЦА), создающих препятствия к внутрирегиональной интеграции, показана особая роль, которую играет в субрегионе Казахстан. По данным статистики торговли и движения капитала оценена степень интегрированности экономик Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмени и Узбекистана. Показано, что пользование водными ресурсами усиливает конфликтность отношений между странами Центральной Азии. Рассмотренная история современных интеграционных процессов в странах ЦА свидетельствует о слабом потенциале внутрирегиональных экономических и политических связей. Экономические структуры и пространственное размещение производительных сил таковы, что при нынешнем уровне технологического развития, накопленного капитала и расклада внешних политико-экономических интересов ЦА, вероятнее всего, окажется не субъектом, а объектом развития интеграционных процессов. До конца 2010-х гг. в регионе доминировала экономическая и военная мощь России. К концу этого периода все четче прорисовывается лидерство Китая. Казахстан играет первую скрипку в экономическом ансамбле центральноазиатских республик. От его выбора, с кем и как вступать в альянсы, будет зависеть профиль региональных экономических и политических структур.

Ключевые слова: регионалистика; центральноазиатский регион; региональная интеграция; региональные конфликты; внерегиональное влияние; инициатива «Пояс – путь»; ЕАЭС

¹ Статья подготовлена в рамках программы целевого финансирования МОН РК № BR05236550.

В последние годы страны Центральной Азии (ЦА) – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан привлекают все большее внимание международных исследовательских и политических кругов. Эти страны обладают богатыми ресурсами, субрегион расположен в стратегически важном месте между Россией, Китаем, Европой и Ближним Востоком, а также соседствует с нестабильными Афганистаном и Пакистаном.

Экономическая и политическая эволюция этих пяти стран сильно отличалась от той, которую ожидало западное сообщество. Выбор путей экономического перехода был весьма разнообразен, и большинство созданных политических и экономических отличались от западных моделей. Опыт центральноазиатских стран наводит на сомнения относительно успешности либерального мирового порядка, основанного на принципах демократии, верховенства закона и уважения суверенитета и территориальной целостности.

За последние годы регион превратился в сложную арену, на которой национальные цели стран сосуществуют с интересами крупнейших региональных держав мира, а именно России, США и Китая.

В данной статье рассматриваются проблемы регионализма и конфликтов интересов стран ЦА, создающих препятствия к внутрирегиональной интеграции, обсуждается особая роль, которую играет в субрегионе Казахстан.

Очень коротко об экономике стран Центральной Азии

В ресурсном отношении регион очень неоднороден (табл. 1). Испытывающие дефицит электроэнергии Кыргызстан с Таджикистаном нуждаются в дополнительных энерго мощностях. Водные ресурсы между республиками ЦА распределены неравномерно: Казахстан, Туркменистан и Узбекистан относятся к странам с дефицитом водных ресурсов, тогда как Кыргызстан и Таджикистан ими обеспечены в достаточной степени.

Доля гидроэлектроэнергии в энергобалансе региона в целом достигает 27,3%; в Таджикистане и Кыргызстане она составляет 75–90%, но в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане – еще меньше, 10–15%. Взаимодействие в рамках Международного фонда спасения Арала не привело к эффективному решению

проблемы водораздела в ЦА. Проблемы водоснабжения ЦА более детально рассмотрим ниже.

Таблица 1. Ресурсная обеспеченность стран ЦА, 2018 г.

Страна	Площадь, тыс. км ²	Население, млн чел.	Нефть, млн т	Газ, млрд м ³	Уголь, млрд т	Уран, тыс. т	Гидроэнергия, млрд кВт·ч/год	ВВП, на душу [*] , тыс. долл.	ВВП, на душу ^{**} , тыс. долл.	Прямые иностр. инвест., млрд долл.
Казахстан	2724,9	18,5	4000	6800	35,8	1690	40,2	11,0	28,8	149,2
Киргизия	199,9	6,4	5	6	-	20	142,5	1,2	4,1	3,9
Таджикистан	142,6	9,3	2	-	-	460	527	1,1	3,7	2,7
Туркмения	488,1	5,9	300	23000	-	-	-	7,4	20,4	36,0
Узбекистан	447,4	32,9	250	5900	4,0	186	-	2,9	9,0	9,7
Итого	4002,9	73,0	4557,0	35706,0	39,8	2356,0	709,7	4,9	13,8	201,6

Примечания:

*) в сопоставимых ценах 2015 г.; **) в 2019 г. по паритету покупательной способности, межд. долл.

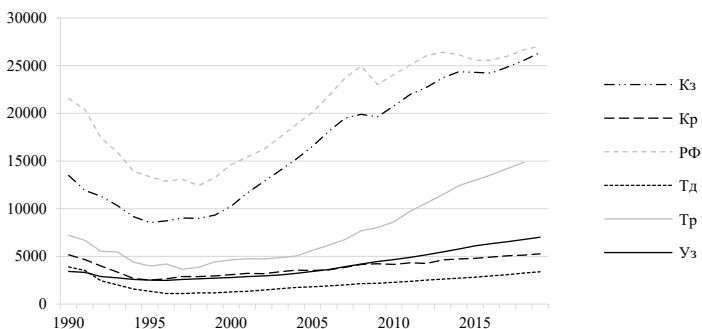
Источник. Составлено авторами по данным из источников: [Зиядуллаев, Зиядуллаев. 2019]; данные ВБ, МВФ, ЮНКТАД URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>, URL: <https://knoema.com/atlas/>

Богатые углеводородами Казахстан, Туркменистан и Узбекистан имеют преимущество перед Кыргызстаном и Таджикистаном. Это стало одной из главных причин притока в них иностранного капитала, что и отразилось на экономическом росте (рис. 1). На проекты, связанные с добычей и, в меньшей степени, переработкой природных ресурсов, приходится более 50% всего объема прямых иностранных инвестиций в регионе.

Отчетливо видно (табл. 1 и рис. 1), что экономики двух стран, Казахстана и Туркменистана, ушли в отрыв, при этом лидерство Казахстана представляется неоспоримым. За ними с более низкими темпами следует Узбекистан². Кыргызстан и Таджикистан демонстрируют существенное отставание в экономическом развитии. Россия, приведенная для сравнения, по темпам последние несколько лет заметно уступает Казахстану, можно с достаточной степенью уверенности предсказать, что при продолжении

² Некоторые экономисты [Зиядуллаев, 2018] продолжают думать, что у Узбекистана все еще есть перспектива стать региональным лидером, однако нам это представляется маловероятным.

трендов недолго ждать, когда произойдет отставание экономики РФ и по абсолютным цифрам.

Источник: построено авторами по данным URL: <https://knoema.com/atlas/> и World Development Indicators <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?view=chart>

Рис. 1. Динамика душевого ВВП (по паритету покупательной способности) в 1990–2015 гг., цены 2017 г., межд. долл. (Кз – Казахстан, Кр – Кыргызстан, Тд – Таджикистан, Тр – Туркменистан, Уз – Узбекистан, РФ – Россия)

Сравнение экономической динамики проводится на графике в терминах международных долларов. Отличие от оценки по официальному курсу в первую очередь объясняется действием эффекта Балассы-Самуэльсона: страны ЦА бедны в сравнении с развитыми странами, цены в них ниже, поэтому паритет покупательной способности заметно отклоняется от официального обменного курса, а оценки в международных долларах выше официальных. Это можно видеть также по данным в таблице 1.

Интеграционные инициативы в Центральной Азии

Процесс интеграции центральноазиатских государств после обретения ими независимости был инициирован Казахстаном и Узбекистаном, которые традиционно конкурировали за лидерство в Центральной Азии. Первый шаг был сделан в 1994 г., когда Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан создали Центрально-Азиатский Союз (ЦАС), взяв за образец модель

западноевропейской интеграции. Союз предусматривал формирование единого экономического пространства с целью свободного перемещения товаров, капитала, услуг и рабочей силы. В отличие от СНГ, ЦАС имел не идеологическое, а экономическое обоснование и вышел за рамки деклараций, создав региональные институты, такие как межправительственный совет, исполнительный комитет и банк, предназначенный для финансирования общих проектов.

Дальнейший шаг к региональной интеграции был сделан в 1995 г., когда Узбекистан разработал стратегию регионального развития до 2000 г. Таджикистан присоединился к региональной организации после окончания гражданской войны в 1998 г., и ЦАС был переименован в Центральноазиатское экономическое сообщество (ЦАЭС). Еще через четыре года региональная организация вновь сменила свое название и стала называться организацией Центральноазиатского сотрудничества (ЦАСО). Цели ЦАСО были шире, чем у его предшественника. Наряду с региональной экономической интеграцией ЦАСО рассматривала новые угрозы терроризма и стремилась содействовать региональной безопасности.

Несмотря на амбициозные цели, регионализм в Центральной Азии не принес желаемых результатов. ЦАСО и его предшественники не смогли выработать эффективную координацию региональной экономической и торговой политики. Вместо этого сохранялись разногласия и протекционизм.

Центральноазиатский регионализм был взят под контроль Россией на основе ее евразийского интеграционного проекта. Россия всегда стремилась быть вовлеченной в центральноазиатский регионализм и стала наблюдателем ЦАС и ЦАСО; в 1990-е гг. РФ сделала решительный шаг и подала заявку на членство в этой организации. Ее присоединение в 2004 г. означало де-факто слияние ЦАСО с ориентированным на Россию ЕврАзЭС, которое существовало с 2000 г. и, помимо России, включало в себя четыре центральноазиатские страны – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Формальное решение об упразднении ЦАСО в 2005 г. означало конец подлинно среднеазиатских попыток интеграции. Сегодняшний ЕАЭС, правопреемник ЕврАзЭС, включает в себя только Казахстан и Кыргызстан, но не другие центральноазиатские страны. Узбекистан уже покинул ЕврАзЭС

в 2008 г., а Таджикистан до сих пор не смог выполнить предварительные условия таможенного союза ЕАЭС. Таким образом, внешняя граница таможенного союза проходит через Центральную Азию и делит ее на две части.

Имея общую границу с Россией и являясь домом для большого русского меньшинства, Казахстан всегда рассматривал Россию как часть любого региона, к которому он принадлежит, а евразийскую интеграцию с Россией – как политический приоритет. Кроме транзитера казахской экспортной нефти в Европу, Россия является основным его торговым партнером, так что экономические выгоды от интеграции с ней намного перевешивают для Казахстана выгоды от сотрудничества с центральноазиатскими соседями.

Выбирая между центральноазиатским регионализмом и внерегиональными (то есть евроазиатскими) экономическими привилегиями, Казахстан ставил на первое место свои внерегиональные интересы. Россия не поощряла систематическое региональное сотрудничество в ЦА, а вместо этого стремилась включить Казахстан в Евразийский интеграционный проект.

Членство в ЕАЭС дает значительные экономические выгоды для региональной державы Центральной Азии. Казахстан имеет доступ к российскому рынку и трубопроводной сети, получает непропорционально высокие инвестиции. Региональное сотрудничество в Центральной Азии не принесло ни одной из этих выгод. Таким образом, выбирая между углублением связей со своими центральноазиатскими соседями и вступлением в ЕАЭС, Казахстан сделал выбор в пользу последнего, даже когда большинство центральноазиатских стран не вступили в возглавляемую Россией организацию.

Поскольку ЕАЭС является и таможенным союзом, членство Казахстана несовместимо с двусторонними торговыми соглашениями и другими формами экономической интеграции в регионе, что эффективно препятствует центральноазиатскому регионализму. В результате региону не удалось выработать общую позицию по отношению к России и Китаю. Вместо того, чтобы воспользоваться соперничеством между двумя внешними державами, Центральная Азия разрывается между ними на части. Рассмотрим, как это произошло.

Что мешает региональной интеграции Центральной Азии

Учитывая культурное, экономическое и политическое сходство между пятью центральноазиатскими странами, есть основания полагать, что провал регионализма в Центральной Азии обусловлен не столько внутривнутриполитическими факторами, сколько экономической зависимостью стран ЦА от внешних по отношению к региону сил.

В XIX веке в Центральной Азии уже имело место столкновение интересов двух супердержав: борьбу Российской и Британской империй за гегемонию в регионе называли «Большой игрой», в результате которой Россия присоединила Среднюю Азию (так у нас называли и все еще иногда продолжают называть этот регион) и проиграла в стремлении подчинить Афганистан и Персию (ныне Иран). В настоящее время мы наблюдаем «Вторую большую игру» [Krapohl, Vasileva-Dienes, 2019]. На сей раз в борьбе за ЦА роль Британской империи играет Китай с той принципиальной разницей, что КНР геостратегическим противником России не является.

Россия, еще до наступления в ЦА заметного экономического присутствия Китая, использовала ЕАЭС для сохранения своего влияния на постсоветские республики. Присоединившись к ЕАЭС, центральноазиатская региональная держава Казахстан получила такие экономические выгоды, которые намного перевешивали пользу от центральноазиатского сотрудничества. Внерегиональное притяжение к России мешало Казахстану интегрироваться со своими центральноазиатскими соседями. После 2013 г. Китай приступил к систематическим усилиям, направленным на включение Казахстана в свой межрегиональный проект «Экономический пояс, шелковый путь», и приобрел на основе принципа «мягкой силы» свой нынешний статус в регионе. Именно под воздействием на Казахстан усилий двух сверхдержав, России и Китая, страны ЦА не в состоянии выстроить единый региональный блок.

Что же препятствует созданию в странах Центральной Азии общего рынка? Главная помеха для извлечения выгод от сотрудничества стран ЦА – их слабая экономическая диверсификация. Из-за низкого уровня развития обрабатывающих производств и ресурсной ориентации (специализации большинства стран

ЦА на производстве и экспорте первичных сырьевых товаров, включая углеводороды, минералы, металлы, зерно, хлопок, овощи и фрукты) им трудно организовать межотраслевое разделение труда и этим привлечь соседей по региону к взаимному обмену.

Центральноазиатские страны имеют довольно схожие сырьевые экономики, которые конкурируют, а не дополняют друг друга [Wang, 2014]. Вместо того, чтобы развивать региональный рынок, они неоднократно прибегали к соревнованию в таможенных тарифах. К серьезным торговым барьерам относятся и громоздкий контроль на границах, сохраняющийся, несмотря на провозглашенную цель регионального сотрудничества. Это делает центральноазиатские государства одними из самых труднодоступных мест в мире для трансграничной торговли. Например, экспортерам в Казахстан требуется в среднем пять дней на подготовку документации и четыре – на таможенное оформление, общие затраты при этом составляют около 700 долл. США³ [Russel, 2019]. Даже «неформальный регионализм» в виде местной торговли и бизнеса в трансграничных районах не мог закрепиться в этих странах. Все это усугубило зависимость экономик стран – лидеров региона (Казахстана, Туркменистана и Узбекистана) от внерегионального экспорта таких сырьевых товаров, как газ и нефть. В силу сходства уровня развития, довольно низкого, и близости отраслевых структур центральноазиатские страны не могут в полной мере пользоваться эффектами сравнительных экономических преимуществ.

В таблице 2 четко прослеживается слабость и неустойчивость взаимной торговли⁴. Из пяти стран ЦА только Кыргызстан направлял на региональный рынок около 1/5 и более своего экспорта, остальные намного меньше. Для Туркменистана и Казахстана региональная торговля почти не представляет интереса. Узбекистан и Таджикистан занимают промежуточное положение.

³ Doing Business (2019). Economy profile Kazakhstan. World Bank URL: org/content/dam/doingBusiness/country/k/kazakhstan/KAZ.pdf. 21 Jan.

⁴ Примечательно, что это усиливается общим понижающим трендом торговли ЦА и стран-соседей [Захаров и др., 2018]: «Степень открытости экономики упрощенно исчисляется как соотношение стоимости экспортированных товаров к ВВП. За последние пять лет это отношение снизилось с 16,2% до 11,7% в Индии; с 17,9% до 13,0% в Таджикистане и с 42,6% до 26,8% в Казахстане». В цитированном источнике, правда, делается не вполне корректное замечание, а именно, что это «может говорить о все большей ориентации стран на внутренний рынок». В действительности ориентация ЦА менялась как раз в пользу Китая и стран Европы, а не внутреннего рынка субрегиона.

Таблица 2. Доли экспорта стран ЦА, направляемого в РФ, КНР и другие страны ЦА в 2000–2018 гг., %

Экспортер	Импортер											
	2000			2010			2015			2018		
	РФ	КНР	ЦА	РФ	КНР	ЦА	РФ	КНР	ЦА	РФ	КНР	ЦА
Казахстан	19,7	7,7	2,8	5,3	17,7	3,1	9,9	11,9	4,3	8,5	10,3	4,8
Кыргызстан	17,4	12,8	22,4	24,7	4,1	17,8	8,8	3,8	24,0	14,5	6,2	26,9
Таджикистан	38,4	1,2	13,9	11,6	19	2,3	17,1	11,6	9,0	10,7	11,2	19,3
Туркменистан	32,0	0,2	3,4	5,2	36,3	3,4	1,4	62,6	0,7	2,0	65,3	0,4
Узбекистан	24,6	0,5	14,3	22,3	20,2	8,8	11,4	19,6	9,6	19,2	14,5	17,9

Источник: [Поливач, 2019. С. 142], расчеты авторов по UNCTADstat. UNCTAD Data Center. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx> (дата обращения: 07.07.2020).

За последние 20 лет доля российского рынка для экспорта из стран ЦА снизилась примерно в три раза, а китайского примерно во столько же раз возросла. Очевидной причиной этого была слабость российской экономики. Следует, однако, отметить, что после резкого взлета в 2009–2013 гг. к 2018 г. доля Китая в экспорте из ЦА также снизилась. Рост значения Китая в экспорте ЦА надо в первую очередь связывать с увеличением поставок сырья, в основном энергоносителей, причем в первую очередь из Туркменистана.

Не следует трактовать замену России Китаем в экспорте и импорте стран ЦА так, словно последний вытеснял первую в результате целенаправленной экономической политики. Фактически Китай и в данном случае применял «мягкую силу». Его интерес к рынкам ЦА долгое время объяснялся главным образом тем, что приграничная торговля способствовала социально-экономическому развитию политически нестабильной Синдзянь-Уйгурской автономной области. Россию Китай никогда в современной истории не рассматривал как геополитического противника. Вытеснение России происходило просто в силу относительной слабости российской экономики по сравнению с китайской. Только в последние годы, когда Китай приступил к реализации проекта «Пояс и путь», его экономическая деятельность в ЦА стала целенаправленной, но к торговле она прямого отношения не имеет. Далее мы к этому вопросу вернемся.

Чтобы более детально представить взаимную торговлю стран ЦА, рассмотрим матрицы обмена для 1995 и 2018 гг. (табл. 3). В 1995 г. наиболее тесная связь наблюдалась между Узбекистаном и Казахстаном. У последнего импорт из Узбекистана немного превысил 10% в общем объеме импорта того года. В 2018 г. Таджикистан ввез из Казахстана менее 14% от своего импорта. Остальные партнерские связи между странами ЦА были еще слабее. Такой обмен интенсивным назвать нельзя.

Таблица 3. Матрица долей импорта, сложившихся в результате внутрирегиональной торговли между странами ЦА в 1995 и 2018 гг., %

	1995					2018						
	Импортёры					Импортёры						
	Кз	Кр	Тд	Тр	Уз	Кз	Кр	Тд	Тр	Уз		
Экспортёры	Кз		9,51	8,72	5,17	5,24	Кз		6,98	13,85	2,40	9,63
	Кр	1,30		1,26	0,75	2,96	Кр	0,77		0,91	0,19	0,90
	Тд	0,43	1,12		0,81	-	Тд	0,29	0,16		-	0,47
	Тр	4,05	2,15	15,95		0,72	Тр	0,09	0,02	-		-
	Уз	11,03	22,09	-	-		Уз	4,44	3,01	-	-	

Примечание: Кз – Казахстан, Кр – Кыргызстан, Тд – Таджикистан, Тр – Туркменистан, Уз – Узбекистан.

Источник: расчеты авторов по данным UNCTADstat. UNCTAD Data Center.

Наибольший потенциал для усиления торговой интеграции между странами Центральной Азии в ближайшей перспективе существует главным образом в торговле сырьевыми товарами, продовольствием и металлами. Внутри региона при нынешнем развитии экономик имеется слабый потенциал роста торговли только по продовольствию. У стран ЦА не существует видимых сравнительных преимуществ по отношению друг к другу в части производства машин, транспортного оборудования и другой продукции обрабатывающих производств. Более широкая специализация обеспечила бы вхождение в глобальные производственно-сбытовые цепочки и повысила конкурентоспособность региона. Но сейчас ее нет.

Казахстан имеет самый большой потенциал для наращивания экспорта. В частности, здесь добывается значительно больше полезных ископаемых, чем в Туркменистане и Кыргызстане, замыкающих тройку лидеров ЦА по этому показателю. У него же есть возможность значительного прироста экспорта

овошей и других продуктов питания в Таджикистан, Туркмению и Кыргызстан.

Хотя после распада СССР в Центральной Азии был достигнут прогресс в создании соответствующих институтов, а также в модернизации рыночной инфраструктуры и обеспечении социальных связей, но интеграция продвигалась не так активно, как хотелось бы, и скорее походила на дезинтеграцию. Назовем основные институциональные препятствия.

- Несовершенства рыночной структуры, институтов макрорегулирования и действующих институционализированных правил (в частности, – макропруденциального надзора) породили макроэкономическую хрупкость: волатильность роста и инфляции в Центральной Азии была одной из самых высоких в мире, что отчасти отражается в волатильности цен и неэластичности спроса на природные ресурсы. Рецессии 1998 г. (российский кризис), 2008–2009 гг. (мировой финансовый кризис), 2014–2015 и 2020 гг. (шок падения нефтяных цен и локдаун коронавирусной пандемии) нанесли серьезные удары по хрупким центрально-азиатским экономикам.

- Институциональные и политические различия. Годы, прошедшие после обретения независимости, ознаменовались продолжительным периодом создания национальных институтов и политических рамок, в том числе связанных с налоговой политикой, деловой средой и верховенством закона. Однако страны ЦА, несмотря на вступление в многочисленные альянсы, не ставили перед собой задачи реального сближения рамок экономической политики. В частности, не были предприняты усилия по гармонизации налоговых баз и тарифных ставок, не согласовывались административные процедуры.

- Геополитические вызовы, например, международная напряженность, а также шоки, вызванные санкциями против Ирана и России. Санкционные режимы подняли уровень международных транзакционных издержек и породили особые механизмы взаимодействий со странами ЦА.

- Политико-экономические и управленческие проблемы, ограничивающие интерес отечественных и иностранных инвесторов (в том числе из других стран Центральной Азии).

По последнему из перечисленных пунктов требуются некоторые комментарии. Общемировые показатели качества

управления⁵ (табл. 4) свидетельствуют о том, что страны Центральной Азии далеки от благополучия, особенно в области борьбы с коррупцией, обеспечения верховенства закона, укрепления возможности волеизъявления и подотчетности⁶. Вести внешнеэкономические дела со странами, погрязшими в коррупции, где слаба правовая система и плохо соблюдаются законы – это риск.

Таблица 4. Индикаторы качества государственного управления в странах ЦА по методике Всемирного банка, 2018 г.

Аспект	Кз	Кр	Тд	Тр	Уз
Уровень демократии	16	34	5	1	6
Политическая стабильность и безопасность	46	25	20	45	36
Эффективность правительства	54	29	12	14	34
Качество регулятивной деятельности	60	38	13	3	12
Главенство закона	36	18	8	6	13
Контроль над коррупцией	36	16	6	8	13
ИТОГО (среднее значение)	41	27	11	13	19

Источник: составлено авторами по данным URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>

Примечания: баллы присвоены в интервале значений от 0 до 100, чем выше качество управления, тем выше баллы; Кз – Казахстан, Кр – Кыргызстан, Тд – Таджикистан, Тр – Туркменистан, Уз – Узбекистан.

Как следует из данных приведенной таблицы, в странах ЦА имеют место слабые и плохо соответствующие нормальным рыночным отношениям социальные, политические и правовые

⁵ Показатели качества государственного управления Всемирного банка объединяют мнения большого числа опрошенных респондентов, – руководителей предприятий, граждан и экспертов в промышленно развитых и развивающихся странах. Будучи полезными в роли инструмента для широких межстрановых сравнений и оценки широких тенденций, они часто слишком прямолинейны для формулирования конкретных реформ управления.

⁶ Необходимо с осторожностью относиться к предлагаемым Всемирным банком индикаторам. В частности, из рассматриваемой таблицы следует, что по критерию «Политическая стабильность и безопасность» Казахстан и Туркменистан находятся на одном уровне, однако указанный показатель может быть достигнут в том числе за счет высокого уровня авторитарности и суровости режима во второй из названных стран. Иными словами, между различными критериями рейтинга ВБ существует определенная связь, это означает, что при использовании индикаторов необходимо соблюдать комплексность. Это видно, например, из сочетания «Политической стабильности и безопасности» с «Уровнем демократии». Нулевой «уровень демократии» в Туркменистане говорит о том, что политическая стабильность и безопасность достигаются там репрессивными мерами. Правда, и в Казахстане ситуация в этом отношении выглядит не лучшим образом.

системы. Им трудно вести дела даже друг с другом, тем более весьма непросто взаимодействовать с ними, взятыми в целом. Справедливости ради, отметим, что в Казахстане индикаторы качества управления выглядят сравнительно неплохо, эта республика более чем на 1/3 опережает Кыргызстан, ближайшего к нему в рейтинге по среднему значению индикаторов. Это еще раз подчеркивает относительную мощь экономики Казахстана и привлекательность сотрудничества с ним, что демонстрируют и Россия, и Китай.

Для того чтобы улучшить инвестиционный климат, странам Центральной Азии необходимо более энергично решать вопросы управления и искоренять коррупцию. Однако на практике сильные корыстные интересы и клановые связи местных элит затрудняют преодоление монополистических притязаний экономических структур, погони за рентой и коррупции. На наш взгляд, перемены в этой сфере должны исходить от правительств. В частности, конкретные области, в которых можно было бы сделать больше для повышения прозрачности экономики и борьбы с коррупцией, включают препятствование отмыванию денег/финансированию терроризма в соответствии со стандартами (ФАТФ), наведение порядка в государственных закупках (принятие соответствующих норм и правовых регламентов), совершенствование финансовой отчетности.

Конфликтный потенциал ограничений доступа к водным ресурсам

Дополнительным препятствием для региональной интеграции Центральной Азии является конфликтный потенциал вокруг использования пресной воды как одного из коллективных благ.

Водные ресурсы субрегиона поступают в основном из двух крупнейших рек – Амударья и Сырдарья. Амударья формируется в Таджикистане (80%), Афганистане (12%), Узбекистане (6%), Туркменистане (3,5%). Сырдарья – в Кыргызстане (74,2%), Казахстане (12,1%), Узбекистане (11,1%), Таджикистане (1,1%).

Три из пяти республик испытывают серьезные проблемы с водоснабжением, но они-то и являются основными потребителями воды.

Орошаемые сельхозугодья Центральной Азии за период с 1960 по 2010 гг. выросли с 4,5 до 8,0 млн га, водопотребление

также увеличилось с 61 до 105 км³/год. Такая эксплуатация рек привела к иссушению некогда четвертого в мире внутреннего моря – Аральского. Ухудшение состояния водных ресурсов в сочетании с ростом численности населения региона привело к снижению среднедушевой обеспеченности водой с 8,4 до 2,2 тыс. м³/год. По экспертным оценкам, к 2030 г. она сократится еще сильнее – до 1,7 тыс. м³/год [Suleimenova, 2018].

До распада СССР водоснабжение центральноазиатских республик регулировалось в рамках Единой энергетической системы Советского Союза. Зимой вода накапливалась в водохранилищах Кыргызстана и Таджикистана, производство гидроэнергии сокращалось. Дефицит электроэнергии покрывался за счет поставок энергоносителей из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Летом вода из водохранилищ выпускалась для орошения и распределялась по республикам.

Разработанная Москвой система управления водными ресурсами в Центральной Азии в целом была крайне неэффективной и содержала в себе семена конфликта. Большинство текущих вопросов решалось централизованно – в Москве, которой подчинялись республиканские министерства. Горизонтальная связь между ведомствами даже в рамках одного министерства была слабой и тоже обычно осуществлялась через Москву. Все это не способствовало эффективному управлению водными ресурсами. По оценкам экспертов, общая эффективность построенных при СССР водопроводных сетей республик ЦА составляла менее 25% из-за огромных потерь воды как при транспортировке, так и на местах. Это, в свою очередь, вело к заболачиванию и засолению почв. Проблема обезземеливания из-за подрыва плодородия не решена до сих пор и продолжает усугубляться.

Советские методы управления в Центральной Азии в значительной степени основывались на принципе «разделяй и властвуй». Водная инфраструктура в Центральной Азии фактически игнорировала границы и интересы административных единиц, республики зависели друг от друга, что нередко порождало споры и конфликты между ними, ослабляло уровень регионального политического сотрудничества. У республик не было иного выхода, кроме как просить Москву вмешаться. Москва делала это охотно во благо всем республикам.

После обретения независимости страны первоначально согласились продолжать использовать сложившуюся систему управления водными ресурсами, закрепив это в Алматинском соглашении 1992 г., в котором говорилось, что «стороны имеют равные права на водопользование и несут ответственность за обеспечение рационального использования и охраны водных ресурсов».

Соглашение, однако, просуществовало недолго. Исчезновение таких региональных механизмов, как продовольственный и энергетический обмены, подорвало механизм водопользования советского типа. У республик ЦА возникли новые приоритеты – они приступили к осуществлению политики национальной продовольственной и энергетической безопасности, что иногда противоречило интересам соседних государств. Например, приватизация аграрных хозяйств в верховьях Сырдарьи в начале 1990-х годов привела к перемене специализации с животноводства на растениеводство (технические культуры) и, следовательно – к увеличению спроса на воду [Wegerich, 2004], в Узбекистан, расположенный ниже по течению реки, воды стало поступать меньше. Конфликт обострился, когда в 1997 г. верхняя палата народных представителей Кыргызстана приняла резолюцию, в которой вода рассматривалась как товар, за который нужно платить, а в 2001 г. был принят закон о воде, закрепивший государственную собственность на этот ресурс. В ответ Узбекистан обвинил Кыргызстан в несоблюдении существующих соглашений и сократил поставки туда природного газа.

Конфликт в бассейне Амударьи имел иной характер и базировался на принципе «одностороннего освоения ресурсов». Будучи самой высокогорной страной ЦА, контролирующей до 80% водостока, но менее удачливой с точки зрения энергетических ресурсов, Таджикистан для достижения энергетической независимости и безопасности решил построить на притоке Амударьи – реке Вахш – самую высокую гидроэлектростанцию в мире (Рогунская ГЭС). Проект был начат еще в 1976 г., но в 1990-х гг. его остановили. После обретения независимости Таджикистан попытался привлечь внешнее финансирование для завершения строительства; однако сильное противодействие соседей ниже по течению Амударьи фактически заблокировало

финансирование проекта. Таджикское правительство утверждало, что дамба принесет пользу ирригационным потребностям государств, расположенных ниже по течению. Но исследования показали, что эксплуатация водохранилища не увеличит летние потоки для ирригации земель в нижнем течении реки. Выгоды могли быть только односторонними: строительство плотины позволило бы значительно увеличить производство гидроэнергии, неблагоприятно влияя на ирригацию ниже по течению.

Несмотря на то, что де-юре совместная система управления водными ресурсами была согласована, страны Центральной Азии фактически национализировали воду. Например, Водный кодекс Республики Казахстан гласит, что «водный фонд ... является исключительной государственной собственностью»; а Закон Республики Узбекистан «о воде и водопользовании» устанавливает, что «вода является государственной собственностью – национальным достоянием Узбекистана – и подлежит рациональному использованию и государственной охране».

Современные национальные системы управления водными ресурсами несут в себе потенциал политического давления. Так, планы строительства Рогунской ГЭС воспринимаются как стремление Таджикистана получить больший контроль над водными ресурсами и тем самым – увеличить свое влияние на государства, расположенные ниже по течению Амударьи. Аналогично Туркменистан контролирует инфраструктуру в нижнем и среднем течении Амударьи, что дает ему выгодное положение по отношению к соседям.

Чтобы погасить конфликты такого рода, страны региона вступают в альянсы. Пример: в январе 2000 г. Казахстан и Кыргызстан подписали соглашение об использовании межгосударственных водохозяйственных сооружений на реках Чу и Талас. Документ предусматривает, что водные ресурсы и связанные с ними объекты должны использоваться таким образом, чтобы достичь «взаимной выгоды на справедливой и равноправной основе». В частности, эксплуатация и техническое обслуживание этих объектов ведутся совместно, издержки делятся пропорционально получаемой воде. Кроме того, для обеспечения надежной и безопасной эксплуатации водохозяйственных объектов межправительственного статуса было решено, что сторона,

владеющая указанными объектами, имеет право на компенсацию со стороны, эксплуатирующей их.

Экологические балансы в регионе становятся все менее устойчивыми, что заметно по климатическим трендам. Согласно оценкам, изменение климата приведет к сокращению водных ресурсов на северных равнинах Центральной Азии на 6–10% к 2030 г. и еще на 4–8% к 2050 г. Это будет в основном связано с увеличением потерь в стоке и инфильтрации, а также с уменьшением снегонакопления. В свою очередь прогнозируемая гляциологами деградация ледников приведет к сокращению водных ресурсов горных районов на 10–12%, уменьшению стока в летние месяцы (то есть в период орошения) и его увеличению весной (что приведет к более высокой вероятности наводнений).

Растущий спрос на воду, обусловленный экономическим развитием и ростом населения, увеличит нагрузку на существующие ресурсы. При высоких темпах роста населения, особенно в Ферганской долине, производство хлопка, вероятно, останется главным сектором занятости в обозримом будущем, а это означает, что потребление воды вряд ли сократится [Hanks, 2010].

Существует несколько методов, которые помогают справиться с растущей нехваткой воды. Один из них – виртуальная торговля водой, основная идея которой заключается в том, что «бедные водой развивающиеся страны импортируют продукты питания из богатых водой стран, чтобы сохранить собственные водные ресурсы и использовать их в других, более производительных видах деятельности, где создается больше добавленной стоимости на единицу объема воды» [Horlemann and Neubert, 2007]. Однако этот подход, помимо позитивного «природоохранного» эффекта, имеет и ряд негативных последствий, включая потенциально более высокую зависимость стран-импортеров от стран-экспортеров и необходимость создания альтернативных возможностей получения дохода для тех, кто занят в водоинтенсивных секторах, которые будут постепенно ликвидированы. То есть виртуальная торговля водными ресурсами требует согласования национальных стратегий и планов в области водной политики, однако в атмосфере подозрительности и недоверия она вряд ли возможна.

Экономическая зависимость Центральной Азии

Торговая зависимость региона от внешних субъектов исходит прежде всего от России (особенно до финансового кризиса 2008–2009 гг.), но также все больше и больше – от Китая. Доля России в торговле с Кыргызстаном увеличилась примерно с 20 до 35%, с Таджикистаном – с 15 до 25%, с Узбекистаном – с 15 до 20%. На российском рынке происходит не только сбыт многих центральноазиатских товаров, начиная от овощей и фруктов и заканчивая минеральными ресурсами. Россия также является экономическими воротами в Европу, поскольку 70% центральноазиатского экспорта в ЕС поступает именно через неё.

Китай в последние годы неуклонно расширяет свое влияние в Центральной Азии. До середины 2000-х гг. доля КНР во внешней торговле центральноазиатских стран не превышала 10%, но с тех пор она постоянно растет, постепенно вытесняя Россию. Особенно быстро – после кризиса 2008–2009 г. (см. табл. 2). Несмотря на то, что Россия по-прежнему остается важнейшим торговым партнером Казахстана (после ЕС) и Таджикистана, Китай уже догнал её в Кыргызстане и Узбекистане.

До сих пор экономическая структура Центральной Азии продолжает удивительно походить на структуру Юго-Восточной Азии, где АСЕАН (существует с 1967 г.) представляет собой одну из самых передовых региональных организаций в развивающемся мире [Krapohl, Fink, 2013]. Внутрорегиональная торговля внутри АСЕАН также относительно низка (около 25% международной торговли государств-членов), а в прошлом она была еще ниже. Кроме того, государства – члены АСЕАН также активно торгуют с двумя внерегиональными партнерами в более широком соседстве – Китаем и Японией.

Причина успеха государств – членов АСЕАН состояла в том, что они сумели сохранить свое единство и не были разорваны борьбой за власть между Китаем и Японией. Напротив, они смогли воспользоваться ситуацией, и АСЕАН получила большую выгоду от сотрудничества с Китаем и Японией в рамках АСЕАН+3.

Одно из объяснений этого, на наш взгляд, заключается в том, что в АСЕАН не существует региональной державы с выраженными внерегиональными экономическими привилегиями. Четыре экономики – Индонезия, Малайзия, Сингапур

и Таиланд – в какой-то степени уравнивают друг друга, и ни одна из них не стремится к одностороннему преимуществу, сотрудничая самостоятельно, ни с Китаем, ни с Японией. Это знаменует собой важное отличие Юго-Восточной Азии от Центральной, где Казахстан доминирует в регионе в экономическом плане и способен получить выгоды, самостоятельно сотрудничая с Россией.

В экономическом плане Казахстан является крупнейшей региональной державой Центральной Азии, хотя его население (18,5 млн человек) почти вдвое меньше, чем в Узбекистане (33 млн человек). Экономика Казахстана базируется на огромных запасах углеводородов и других полезных ископаемых (прежде всего, угля и урана), но имеет также более развитый производственный сектор, например, химические производства [Guliev, Mekhdiev, 2017; Sultanov, 2014. С. 106]. В результате роста цен на энергоносители ВВП Казахстана вырос с 9 млрд долл. в 1990-е годы до 160 млрд долл. в 2018 г. и в три раза превышает экономику Узбекистана (48 млрд долл.) и более чем в 20 раз – Таджикистана и Кыргызстана (около 7 млрд долл.).

Еще в 1990-е годы Россия была получателем до 50% казахстанского экспорта, однако относительное значение торговли Казахстана с Россией постоянно снижалось с 1990-х годов и в настоящее время опустилось до 21%. В разгар финансового кризиса 2008–2009 гг., когда рухнули цены на нефть, товарооборот с Россией даже упал до исторического минимума в 10%. В то же время Китай поднял свою торговую долю с менее чем 5% в 1990-е годы до 13%, по итогам 2009 г.

Нефть составляет основу экономики Казахстана, и большая часть ее экспорта идет в Европу. Доля торговли Казахстана с ЕС доходит почти до 40%. Однако это парадоксальным образом лишь увеличивает зависимость Казахстана от России. Не имея выхода к морю, но обладая общей границей с Россией протяженностью 7000 км, Казахстан полагается на российские трубопроводы для экспорта своей нефти на основные рынки сбыта.

Около 85% казахстанской нефти экспортируется в Россию или через нее. Одним из немногих трубопроводов в обход РФ является ветка Баку – Тбилиси – Джейхан, однако этот маршрут предполагает доставку нефти из Казахстана до Баку танкерами через Каспийское море, что делает его экономически невыгодным.

В восточном направлении экспорт нефти идет через трубопровод протяженностью 2230 км от Каспийского побережья Казахстана до Синьцзяна в Китае. Его строительство было завершено в 2005 г., но в настоящее время мощности расширяются. Экспорт нефти в Китай на сегодня составляет 15% от общего объема и продолжает расти, что свидетельствует об усилении китайского влияния в стране.

Российские интересы в Центральной Азии

В XXI веке традиционное доминирование России стало все более оспариваться Китаем, поэтому Россия стремилась уравновесить растущее китайское влияние в регионе. Москва заинтересована в природных ресурсах ЦА и стремится контролировать маршруты их транспортировки и экспорта. Чтобы выполнять обязательства по поставкам в Европу, российские энергетические компании все больше зависят от импорта центральноазиатского газа и нефти [Кузьмина, 2010].

Казахстан является самым важным экономическим партнером России в регионе. Он – крупный поставщик нефти и важная территория для транзита туркменского и узбекского газа, который идет в Россию и Китай (около 99 млрд м³/год) [Вардомский, 2015]. Экспорт собственного газа Казахстана незначителен (13 млрд м³ в 2017 г.), но быстро растет, и до конца 2017 г. в полном объеме поступал в Россию. Гидроэнергия из Кыргызстана и Таджикистана также поступает в Россию через территорию Казахстана [Кузьмина, 2010]. Доступ к богатым запасам урана в Казахстане также представляет первостепенный интерес для России как крупного производителя ядерного топлива. Кроме того, крупнейшие российские корпорации имеют значительные доли в казахстанских нефтяных месторождениях, нефтеперерабатывающих заводах, гидроэлектростанциях, трубопроводах и заводах по обогащению урана (там же).

Немаловажно, что Центральная Азия – важнейший регион для интересов национальной безопасности России. Среди основных проблем – терроризм, наркотрафик, борьба с исламским фундаментализмом и региональным сепаратизмом. Москва пытается укрепить свое военное присутствие в регионе путем размещения военных баз в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, а также путем присоединения этих трех стран к Организации Договора

о коллективной безопасности. Страны тесно сотрудничают в военной, атомной и космической промышленности. Как наследие советских времен, большинство российских спутников запускается с казахской космической станции Байконур.

СНГ оказался довольно неблагоприятным образованием, и экономическая интеграция не смогла возобладать над стремлением к независимости в бывших советских республиках. В отличие от СНГ, ЕАЭС опирается на серьезные финансовые обязательства и формирует зарождающиеся наднациональные институты по образцу ЕС. Хотя союз с бывшими советскими республиками всегда был важен для России, стратегический сдвиг в сторону евразийской интеграции стал особенно актуальным после ухудшения отношений с Западом в связи с присоединением Крыма.

Экономика Китая быстро растет и все больше нуждается в доступе к природным ресурсам Центральной Азии, в частности нефти и газу, а также к металлам, в особенности – редкоземельным, без которых невозможно развитие современной микроэлектроники. Китай также заинтересован в получении доступа на евразийские рынки для экспорта дешевых потребительских товаров и рассматривает Центральную Азию как важный транзитный коридор для своего экспорта в Европу. Интересы безопасности КНР в Центральной Азии объясняются ее приграничным положением с политически нестабильной провинцией Синьцзян. Китай делает упор на экономическое развитие провинции за счет активизации торговых связей с Центральной Азией.

Хотя Китай является потенциальным конкурентом России в регионе, он разделяет ее заинтересованность в сохранении здесь политического статус-кво (а не в содействии демократизации) и сведении к минимуму западного влияния. Поэтому он до недавних пор старался не отчуждать Россию, делая упор на экономическое сотрудничество с Центральной Азией через Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Однако Россия, опасаясь расширения китайского влияния в Центральной Азии, энергично выступала против таких китайских предложений, как создание совместной зоны свободной торговли ШОС и банка развития. Китай ответил на это запуском Азиатского банка инфраструктурных инвестиций без участия РФ [Kembayev, 2018].

Совсем недавно Китай инициировал и возглавил гигантский проект «Пояс и путь» (первоначально он назывался «Один пояс, один путь», в российской литературе – «Экономический пояс, шелковый путь»), направленный на формирование Евразийского транспортного коридора через Центральную Азию по аналогии с древним Шелковым путем, по которому китайские товары шли в Европу. Среди 29 глав государств, принявших участие в саммите «Пояс и путь», были президенты Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Присутствие В. В. Путина на саммите было символическим проявлением двойственных партнерско-конкурентных отношений между Китаем и Россией в Центральной Азии. Показательным в этом отношении стало подписание осенью 2017 г. генерального соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китаем.

Оставаясь важным гарантом безопасности в Центральной Азии, Россия постепенно теряет в нем свое экономическое влияние, а Китай все больше становится экономическим драйвером региона. В рамках инициативы «Пояс и путь» он обязался и уже начал инвестировать миллиарды долларов в инфраструктуру Центральной Азии, прежде всего в автомобильные и железные дороги, логистические хабы, расширяя таким образом сухопутные маршруты для экспорта своих товаров в Европу. Китайские инвестиции влекут за собой рост внешней задолженности центральноазиатских государств. Например, Кыргызстан должен Китаю 40% своего внешнего долга. В Таджикистане китайские кредиты обусловили 80% прироста внешнего долга за последние 10 лет [Hurley et al., 2018].

Отсутствие давления со стороны Китая на военно-политическую ориентацию, в отличие от России, делает его привлекательным партнером для многих центральноазиатских государств. Влияние китайской «мягкой силы» также растет, о чем свидетельствует увеличение числа центральноазиатских – в первую очередь казахских – студентов, получающих дипломы в Китае, хотя большинство студентов из ЦА, обучающихся за рубежом, пока выбирают Россию. Тревожным звонком для России является то, что при выборе изучения иностранных языков молодежь в центральноазиатских странах все чаще отдает предпочтение китайскому и турецкому языкам в ущерб русскому.

В контексте «Второй большой игры» центральноазиатские страны в основном имеют два стратегических варианта развития. С одной стороны, они могут попытаться выработать единую региональную позицию по отношению к внерегиональным акторам и извлечь выгоду из соперничества между Китаем и Россией. Эта стратегия успешно применяется странами Юго-Восточной Азии, которые используют региональную организацию АСЕАН для эффективного сотрудничества с Китаем и Японией.

С другой стороны, центральноазиатские страны могут сделать выбор в пользу более тесных двусторонних отношений с внерегиональными субъектами в ущерб подлинной центральноазиатской интеграции. Такая модель была реализована, например, на юге Африки, где ЮАР пользовалась привилегированными экономическими отношениями с ЕС (Krapohl et al., 2014). Какая из этих двух стратегий возьмет верх, во многом зависит от Казахстана, который является ключевым игроком в региональной интеграции в Центральной Азии, но при этом сильно зависит от своих экономических отношений с Россией.

Заключение

Рассмотренная история современных интеграционных процессов в странах Центральной Азии свидетельствует о слабом потенциале внутрирегиональных экономических и политических связей. Экономические структуры и пространственное размещение производительных сил таковы, что при нынешнем уровне технологического развития, накопленного капитала и расклада внешних политико-экономических интересов субрегион, вероятнее всего, окажется не субъектом, а объектом развития интеграционных процессов.

До начала 2010-х гг. в регионе доминировала экономическая и военная мощь России. К концу этого периода все четче просматривается лидерство Китая.

Казахстан играет первую скрипку в пока что не очень стройном экономическом ансамбле региона, давая центральноазиатским республикам пример успешного развития. От его выбора, с кем и как вступать в альянсы, во многом будет зависеть профиль региональных экономических и политических структур.

Литература/References

- Вардомский Л. Б.* Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО. 2015. № 6. С. 59–79.
- Vardomsky, L. B. (2015). Transit potential of Kazakhstan in the context of Eurasian integration. *ECO*. No. 6. Pp. 59–79. (In Russ.).
- Зиядуллаев Н., Зиядуллаев У.* О стратегии развития государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации мировой экономики // Общество и экономика. 2019. Т. 4.
- Ziyadullaev, N., Ziyadullaev, U. (2019). On the development strategy of the Central Asian States in the context of globalization and regionalization of the world economy. *Society and economy*. Vol. 4. (In Russ.).
- Зиядуллаев Н.* Государства Центральной Азии в современном мире: стратегии развития и глобальные вызовы // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 12.
- Ziyadullaev, N. (2018). Central Asian States in the modern world: development strategies and global challenges. *Problems of management theory and practice*. No. 12. (In Russ.).
- Захаров А. Н., Посохина А. Н., Поляков В. А.* Внешняя торговля Индии и стран Центральной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 12. С. 85–98.
- Zakharov, A.N., Posokhina, A.N., Polyakov, V.A. (2018). Foreign trade of India and Central Asia. *Russian foreign economic Bulletin*. No. 12. Pp. 85–98. (In Russ.).
- Кузьмина Н.* Экономические интересы России в Центральной Азии/ Актуальные акценты международного сотрудничества. МГИМО. М., 2010. С. 23–39.
- Kuzmina, N. (2010). Russia's economic interests in Central Asia/ The current emphasis of international cooperation. MGIMO. Moscow. Pp. 23–39. (In Russ.).
- Поливач А.* Торговля стран Центральной Азии с Россией и Китаем // Россия и новые государства Евразии. 2019. Т. IV (XLV). С. 136–147.
- Polivatch, A. (2019). Central Asian trade with Russia and China. *Russia and the new States of Eurasia*, Vol. IV (XLV). Pp. 136–147. (In Russ.).
- Guliev, I., Mekhdiev, E. (2017). The role of fuel and energy sector in the Eurasian economic community integration process. *International Journal of Energy and Economic Policy*. Vol. 7. Pp. 72–75.
- Hanks, Reuel R. (2010). Global Security Watch – Central Asia. Santa Barbara, CA: Praeger.
- Horlemann, L., Neubert, S. (2007). Virtual Water Trade: A realistic concept for resolving the water crisis? / Lena Horlemann / Susanne Neubert. Bonn: Dt. Institut für Entwicklungspolitik, (Studies / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik).
- Hurley, J., Morris, S., Portelance, G. (2018). Examining the debt implications of the belt and road initiative from the policy perspective. Center for Global Development Policy Paper 121. URL: www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf.
- Kembayev, Z. (2018). Implementing the silk road Economic Belt: from the Shanghai cooperation organisation to the silk road union? *Asia Europe Journal*. No.16. Pp. 37–50.

Krapohl, S., Fink, S. (2013). Different paths of regional integration: trade networks and regional institution-building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 51. Pp. 472–488.

Krapohl, S., Vasileva-Dienes, A. (2019). The region that isn't: China, Russia and the failure of regional integration in Central Asia. *Asia Europe Journal*. 28th May. Published online <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00548-0>.

Krapohl, S., Meissner, K.L., Muntshick, J. (2014) Regional powers as leaders or rambos of regional integration? Unilateral actions of Brazil and South Africa and their negative effects on MERCOSUR and SADC. *J Common Mark Stud* 52, 879–895

Russel, M. (2019). Connectivity in Central Asia: reconnecting the silk road. European parliamentary research service briefing.) 637891_EN.pdf.

Suleimenova, Z. (2018). Water Security in Central Asia and the Caucasus – A Key to Peace and Sustainable Development. MPFD Working Papers WP/18/01. May.

Sultanov, B. (2014). Kazakhstan and Eurasian integration. In: Dutkiewicz P, Sakwa R (eds) *Eurasian Integration – The View Within*. Palgrave, Basingstoke, Pp. 97–110.

Wang, W. (2014). The effect of regional integration in Central Asia. *Emerging Markets Financial Trade*. Vol. 50. Pp. 219–232.

Wegerich, K. (2004). Coping with disintegration of a river-basin management system: multi-dimensional issues in Central Asia. *Water Policy*, 6(4). Pp. 335–344.

Статья поступила 19.07.2020.

Статья принята к публикации 04.08.2020.

Для цитирования: Дуйсен Г.М., Айтжанова Д.А., Тесля П.Н. Возможна ли экономическая интеграция в Центральной Азии? Региональный вектор политики Казахстана// ЭКО. 2020. № 10. С. 8-33. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-10-8-33.

For citation: Duisen, G.M., Aitzhanova, D.A., Teslia, P.N. (2020). Is Economic Integration Possible in the Central Asia? A Regional Vector of Kazakhstan's Policy. *ECO*. No. 10. Pp. 8-33. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-10-8-33.

Summary

Duisen, G.M., *Doct. Sci. (Econ.)*, **Aitzhanova, D.A.**, *Cand. Sci. (Econ.)*, *Institute of Eastern Studies, Almaty, Kazakhstan*

Teslia, P.N., *Cand. Sci. (Econ.)*, *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk technical university, Novosibirsk State Research University, Novosibirsk*

Is Economic Integration Possible in the Central Asia? A Regional Vector of Kazakhstan's Policy

Abstract. The paper examines problems of regionalism and conflicts of interests in Central Asian countries that create obstacles to intraregional integration, revealing a special role that Kazakhstan plays in the sub-region. The degree of integration of economies of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan is

estimated according to trade and capital movement statistics. It is shown that use of water resources increases conflicts between the countries of Central Asia. The history of modern integration processes in the Central Asian countries shows a weak potential of intraregional economic and political ties. Such are the economic structures and spatial distribution of productive forces that with the current level of technological development, accumulated capital and alignment of external political and economic interests, Central Asia is most likely to be an object of integration processes rather than its subject. Until the end of the 2010s, the region was dominated by Russia's economic and military power. By the end of this period, China's leadership is becoming quite apparent. Kazakhstan plays the first fiddle in the economic ensemble of Central Asian republics. A profile of regional economic and political structures will depend on the choice of who and how enters into alliances.

Keywords: *regional studies; the Central Asian region; regional integration; regional conflicts; extraregional influence; the 'belt and road' initiative; EAEU*